

The background of the cover is a painting. It features a central, bright, yellowish-white circular area that fades into a dark blue and black background. From this central area, numerous thin, reddish-brown, branch-like lines radiate outwards. These branches are adorned with many small, round, orange-red berries or fruits. The overall effect is dreamlike and ethereal.

ВЕРА ЖЕЛИХОВСКАЯ
СОН В РУКУ

Литрес

Вера Петровна Желиховская

Сон в руку

Аннотация

«...Любопытство превозмогло голод. Я оставила свою комнату, но вместо столовой прошла к мужнину кабинету и остановилась у дверей в недоумении. Я знала, что ничего не совершаю незаконного, – у нас не было тайн. Через полчаса он рассказал бы мне сам, в чём дело. Я услышала незнакомый, мужской голос, который авторитетно говорил: – А я утверждаю истину! Жена ваша не имеет прав на этот капитал. Он завещан прадедом её князем Рамзаевым наследникам его старшей дочери лишь на тот случай, если по истечении пятидесяти лет не окажется наследников его меньшого сына...»

Вера Петровна Желиховская

Сон в руку

Святочный рассказ

I

Было 24 декабря. Снег валил хлопьями с утра, а к вечеру приморозило, и луна ярко светила с проясневшего неба, когда мы с мужем вернулись домой, усталые, проголодавшиеся.

Нам приходилось устраивать своё хозяйство наново в городе, где я родилась и провела всё своё детство, но который оставила давно и не видала много лет. Мы едва успели устроиться, когда подоспели праздники. Даже в сочельник, кроме разъездов для праздничных необходимых закупок, пришлось нам побывать в нескольких мебельных складах, – не экономии ради, а лишь потому, что я обожаю старинные вещи.

Однако несмотря на усталость, приходилось ещё поработать до позднего обеда; я терпеть не могла беспорядка. Надо было указать самой, куда ставить вновь купленные вещи. Когда двое людей внесли тяжёлую, старинную кушетку красного дерева на львиных ножках и со львиною головой, свирепо глядевшей из-под мягкой штофной ручки, – я с минуту колебалась. Она была куплена для кабинета мужа; но оригинальный фасон её, удобные изгибы, всё, – даже до своеобразного рисунка её серой обивки, расшитой пёстрыми шелками, – мне так понравилось, что я попросила его уступить её мне... Мне казалось, что на ней удивительно приятно полежать, в часы досуга, в *dolce far niente*, с книгой в руках; помечтать в сумерки, любуясь огоньком в камине, а не то – грешным делом, и подремать, уютно прислонясь к ловко выгнутой мягкой спинке.

Муж смеялся над моей фантазией.

«– Этот прадедовский диван так велик», – сказал он, – что займёт всю твою уборную. Да его прежде необходимо перебить: крысы съели всю бахрому!

– И это очень жаль! – отвечала я. – Бахрому и старый штоф на нём прекрасны!.. Деды и бабушки наши понимали истинный комфорт и вкус имели изящный... Я уверена, что эта кушетка вышла из хорошей мастерской. Обивать её вновь я не стану, – это было бы святотатством! А просто велю подновить бахрому и кисти.

И так громоздкая кушетка была водворена в моём кабинете, комнате, которую муж мой, не признававший необходимости письменных занятий для жены, упорно называл «уборною»; а на стену над кушеткой я прибила лампу с матовым абажуром, собственно для удобства моих чтений.

Звезда, путеводительница Волхвов, давно просияла на морозном небе. Постные щи и кутья давно были поданы и съедены; человек два раза приходил докладывать, что «кушать подано», а у меня всё ещё находилось то одно, то другое дело, я всё ещё устраивала и переставляла вещи, то отходя, то снова возвращаясь.

Я бы не медлила, если б не уверенность, что Юрий Александрович занят; я слышала голос его в другой стороне дома, – всё равно пришлось бы ждать его. Но среди моих хлопот и возни меня начинало интересовать, почему он, такой всегда пунктуальный, медлит и на кого сердится?.. Голос его раздавался раздражённое и громче. Он с кем-то имел крупное объяснение...

Любопытство превозмогло голод. Я оставила свою комнату, но вместо столовой прошла к мужнину кабинету и остановилась у дверей в недоумении. Я знала, что ничего не совершаю незаконного, – у нас не было тайн. Через полчаса он рассказал бы мне сам в чём дело.

Я услышала незнакомый, мужской голос, который авторитетно говорил:

– А я утверждаю истину! Жена ваша не имеет прав на этот капитал. Он завещан прадедом её князем Рамзаевым, наследникам его старшей дочери лишь на тот случай, если по истечении пятидесяти лет не окажется наследников его меньшого сына, князя Павла Рамзаева. Наследница князя Павла существует, – как я имел уже честь докладывать, – это внучка его, дочь родного его сына, мисс Рамсей...

– А я вам говорю, что всё это ложь! Что вас самого обманули какие-то авантюристки, которые надеются помощью созвучия фамилий воспользоваться не принадлежащим им! – сердито возражал мой муж, ходя большими шагами по неустроенному ещё кабинету, между связками бумаг и книг, разложенных по полу, открытыми ящиками и зияющими шкафами. – Доказательства должны бы сохраниться, – а их нет!

– А кольцо? – прервал посетитель. – А печать?

– И кольцо, и печать легко могут быть украдены, и подделаны, и всяческой случайностью могли попасть, после смерти Рамзаева, первым встречным. Должны были быть документы, бумаги, законные свидетельства...

– Но если я вам говорю, что они сгорели!.. Пожар всё уничтожил, когда муж госпожи Рамсей ещё был ребёнком. Они в том не виноваты! Конечно, повторяю, законных доказательств и документов на право наследства у них нет. Но – всякий по себе судит – я взялся переговорить с вами о их правах, известить о них вашу супругу, потому что я, будучи уверен в их личностях, отдал бы им их собственность... Это достоверно.

– Не менее достоверно и то, что и я бы поступил точно так же, – высокомерно возразил мой муж, и я уже слышала в его тоне знакомую мне нотку гнева, который он не всегда умел сдерживать, – если бы я был уверен в этом! А я не только не уверен, но вполне сознательно отвергаю всякую возможность такого факта... Как?.. Чтобы существовали законные наследники капитала, отложенного прадедом моей жены, и – пятьдесят лет зная об этом – молчали о своих правах?! Чтоб этому поверить – надо быть помешанным или...

– Или?.. Что же?.. Доканчивайте, милостивый государь!

– Что ж? И dokonчу!.. Или надо быть самому заинтересованным в успехе этого... необыкновенного предприятия.

– Другими словами: мошеннического предприятия, хотели вы сказать? – со сдержанным гневом прервал посетитель. – Так я должен вам сказать...

Но тут я, в смертельном страхе за исход этого дурно разыгрывавшегося объяснения, неожиданно вошла в комнату, чтоб прервать его до беды.

– Обедать подано, друг мой! – сказала я, будто не замечая нашего посетителя.

Но он сам встал и почтительно поклонился. Я увидела пожилого человека, с загорелым, открытым лицом, обросшим бородою, с честными серыми глазами, прямо смотревшими в глаза каждому. Его форменный сюртук сказал мне, что он моряк, и, как было по всему видно, моряк испытывавший не одну бурю морскую и житейскую.

Я тут же успокоилась. Юрий вспыхнул – это правда, но гость его не из тех, что готовы вспыхивать по первому шероховатому прикосновению.

Я отвечала на поклон и посмотрела на мужа, ожидая, что он назовёт его.

Юрий Александрович проговорил неохотно:

– Капитан Торбенко. Только что прибыл из кругосветного плавания и явился к нам уполномоченным какой-то англичанки, госпожи Рамсей, имеющей претензию быть вдовой твоего дяди, князя Рамзаева.

– Какого именно? – осведомилась я. – Двоюродного?.. Сына дядюшки моего отца, – князя Павла?

– Так точно-с, – подтвердил моряк.

И обратясь, с готовностью повторил всё мною слышанное из-за дверей.

– Что же! Очень может быть! – сказала я. – Если это правда, то без сомнения дама эта или дочь её имеют право на отложенный прадедом нашим капитал.

– Вот!.. Это именно то, что я имел честь доказывать вашему супругу! – обрадовался Торбенко, и всё лицо его расцвело широкой улыбкой.

– Конечно!.. Девушка эта ведь такая же правнучка князя Петра Павловича Рамзаева, как и я!

Тут мой муж нахмурился.

– То есть это что же значит? – спросил он, сердито на меня уставившись. – Не хочешь ли ты по первому слову какой-то самозванки, подарить капитал в сорок тысяч?.. Ведь десять тысяч князя Петра, в пятьдесят-то лет, должны возрасти более чем вчетверо.

– Во сколько бы они ни возросли, деньги эти бесспорно должны принадлежать княжне Рамзаевой, если она существует.

– Да! Если она существует! – гневно рассмеялся мой муж, в то время как его собеседник, не воздержавшись, радостно протягивал мне руку.

Я подавала ему свою, улыбаясь.

– Я знал! Я знал, что вы будете моего мнения! – повторял он, пожимая мне руку, да так, что пальцы мои беспомощно хрустнули в его заскорузлых ладонях.

– Ещё бы! Точно так же, как и Юрий Александрович! – сказала я. – Двух мнений о таком простом деле у честных людей и быть не может.

– Без сомнения. Только для этого надо, чтоб личности, имеющие претензию носить имя и титул твоих предков – представили на них свои несомненные права!

Моряк вскочил и, прямо на меня глядя, спросил:

– Вам, конечно, известны печать и герб князей Рамзаевых, сударыня?

– Разумеется! У меня и теперь бабушкина печать, которую она наследовала от отца своего.

– Так вот-с. Не угодно ли вам посмотреть и решить: что это такое?

Торбенко вынул из кармана тщательно сложенную бумажку, с оттиском на ней небольшой, особенно отчётливо выдавленной печати.

– Это несомненно герб князей Рамзаевых! – не колеблясь подтвердила я.

Моряк чуть не подпрыгнул от восторга и повернулся к мужу, торжествуя.

– Да кто же в этом сомневался? – вскричал сердито Юрий. – Это не только печать Рамзаевых, но весьма вероятно, что она сделана именно кольцом князя Павла, как вы то утверждаете. Но что же это доказывает?.. Что кольцо, как и подобает дорогой и прочной вещи, пережило своего хозяина и служит ныне замыслу ловких особ, желающих им воспользоваться для присвоения себе чужой собственности, – вот и всё!.. Это кольцо с печатью, подаренное князем Петром сыну своему, пред его отбытием в кругосветное плавание, – из коего он не вернулся и ни разу не писал, – значится даже в нашей семейной хронике. Ведь я сам немного в родстве с князьями Рамзаевыми... Я даже прекрасно помню, как покойница матушка моя рассказывала, что её мать ужасно любила своего кузена, Поля Рамзаева, – чуть не заболела от горя, когда он пропал. Будучи совсем старушкой, бабушка не могла рассказывать без слёз об умильном прощании старика Петра Павловича с уезжавшим сыном. Старый князь тогда же дал ему это гербовое кольцо, сняв с своего пальца. И ладанку, с образом Петра и Павла, снял с груди и надел на него...

– Ну вот-с, как хорошо! Вы сами изволите помнить! – прервал моряк.

– Об этом образке госпожа Рамсей тоже мне рассказывала: муж её после смерти отца носил его несколько лет на груди. Ведь его также звали Петром, в честь деда...

– Так куда же девался этот образ? – спросила я.

– Затерялся, – добродушно пожал плечами Торбенко. – На ночь маленький князь снимал его, и вот, было ему лет десять, когда случился у них пожар и всё имущество их, все бумаги и документы сгорели... Вдова Рамзаева или Рамсей, – как их прозвали на английский лад в Америке, – едва могла спастись со своим сыном... Всё погибло. Погибла и ладанка. И кольцо не уцелело бы, если б вдова князя Павла не носила его сама постоянно... В этой гибели и заключается причина молчания его наследника, Петра Рамсея. Добродушный и скромный был он человек! – с улыбкой продолжал объяснять моряк, обращаясь ко мне лично. – Утратив доказательство на принадлежавший ему титул, князь Пётр оставил и помышлять о правах на восстановление своей личности в России. К тому же, он сжился со вторым своим отечеством, Америкой, до такой степени, что, пожалуй, и сам бы забыл, кто он такой, ежели бы ему не попалась публикация... Обрывок старой газеты, о которой я говорил супругу вашему.

– Но я не слышала... Какой газеты? – спросила я, сильно заинтересованная.

– Английской газеты, в которой делался вызов наследникам князя Павла, – объяснил мне муж.

– Ах, как же!.. Я знаю. Такие вызовы и заявления о капитале, положенном на имя их прадедушкой – много лет печатались в русских и иностранных газетах...

– Да знаю! – нетерпеливо прервал Юрий Александрович, продолжая ходить и вертеться по кабинету, как лев по клетке. – Знаю!.. Чуть ли не моя бабушка, – та самая, что питала романическую страсть к кузену Полю, – и следила за их печатанием. Но никто, никогда, на них не откликнулся.

«– Я сам читал такое заявление», – сказал Торбенко. – Оно хранится у вдовы вашего дядюшки...

– Что нимало не доказывает, что хранящая его особа есть точно вдова князя Петра Рамзаева – Петра номер второй! – насмешливо заметил муж мой. – Скажите сами, не удивительно ли, что, прочитав об этом, князь Рамзаев – если это был он – не заявил о себе?

– Он заявлял! Уж это извините!.. Он несколько раз писал на имя деда, но письма его, вероятно, не доходили... Вы сами изволили, помнится, сказать, что старый князь, пережив всех детей своих, впал в детство и последние годы не мог действовать самостоятельно.

– Это правда, но его окружали люди честные и правоспособные...

– Его родная дочь, бабушка моя Коловницына, распоряжалась всем, – прервала я мужа. – Она, полагать надо, горевала о брате не менее его самого и радостно схватилась бы за всякую о нём весть...

– Быть может, при жизни её, о Рамзаевых ещё и не было вестей... – вставил Торбенко.

Но я не дала ему договорить:

– Помилуйте! Когда бабушка умерла, её сын, отец мой, был уже взрослый человек, и смею уверить вас, что он не совершил бы дурного дела ни из-за какого наследства! – вскричала я горячо. – Если бы хоть одно письмо дяди Павла или сына его было получено, оно не осталось бы без последствий и без ответа.

– Не сомневаюсь в том, сударыня. Это доказывает лишь то, что письма князя Петра не доходили до него.

– Куда же могли они деваться?

Моряк только развёл руками.

– О, если бы я мог ответить на ваш вопрос, сударыня!.. Я не сомневаюсь, что будь у вас в руках хоть одно из многих писем, которые князь Пётр, по уверению вдовы его, писал своему деду, бедная маленькая Елена Рамсей вошла бы в права княжны Рамзаевой и получила бы своё состояние.

– Елена, говорите вы?.. Её зовут Еленой? – удивилась я. – Это тоже наше семейное имя. Так звали бабушку, так зовут и меня.

– Нимало не дивлюсь, – отвечал моряк, пожимая плечами с добродушной улыбкой. – Отец Елены Рамсей стал чистокровным гражданином Соединённых Штатов; но его отец, князь Павел, до самой смерти своей был русским и свято хранил все предания и заветы своей семьи и своей родины. Пётр Павлович вероятно не раз слышал от отца рассказы о семейных преданиях и знал семейные имена ваши... Вот вам ещё доказательство!

– Которое весьма мало доказывает, ибо легко может быть случайностью, – упрямо заметил мой муж. – Да что тут! Скажу вам решительно: вашим клиенткам, капитан, могла бы только помочь выписка из свидетельства о рождении в Америке сына у пропадавшего там и пропавшего без вести князя Павла Петровича.

– Ну, мой друг, положим, что мы с тобой удовольствовались бы доказательством гораздо менее формальным, – заметила я.

– Например?

– Да, например, хоть малейшим, сколько-нибудь убедительным признаком действительности существования в Америке брата моей бабушки Коловницыной. Тогда, явилась бы полная возможность верить и тому, что у него остались дети!.. А то ведь вся семья была убеждена, что grand-oncle просто погиб в океане или в плену у каких-нибудь дикарей...

– Оно почти так и было! – прервал меня гость наш. – Князь Павел имел обыкновение заплывать очень далеко и любил охотиться. Раз, во время штиля, они должны были простоять несколько дней у какого-то, малоизвестного островка Океании, где все пассажиры и моряки только и развлекались охотой да купаньем, – и тут-то пропал Рамзаев. Все на корабле сочли его утонувшим, а дело было так: он забрёл внутрь острова, охотясь, сломал себе ногу и пролежал разбитый, в беспомощности, вероятно, несколько дней. Дать знать о себе он не мог; экипаж его напрасно разыскивал, и наконец моряки ушли, в полной уверенности, что он погиб. Он и остался в пренесчастном положении, пленником дикарей-островитян...

– Как это они его ещё не съели? Хорошо, что не к людоедам попал! – посмеивался Юрий.

Но я нашла его иронию неуместною и продолжала расспрашивать Торбенко:

– Как же он выбрался от них? Как попал в Америку?

– Да нескоро. Не ранее нескольких лет удалось ему попасть на какое-то судёнышко, плывшее в английские владения, в Австралию. Оттуда уж его подобрали англичане, и очутился он в Соединённых Штатах... Не забудьте, что ведь это происходило более полувека тому назад, когда не только что о телеграфах, а даже и о паровых-то сообщениях не ведали!.. Что мудрёного, если письма пропадали?.. Ещё то возьмите во внимание, что князь Павел не сидел в Вашингтоне или Нью-Йорке, а забрался в такую глушь, где плут и колесо бывали в редкость. А о сообщении с Европой и помышлять, в те времена, нельзя было.

– Да какая же крайность его погнала в такие трущобы?

– А самая наикрайняя-с! Голод, вот что-с. Там титул титулом, а есть-то всем равно каждый день надо. Да-с!.. Вот этот самый голод и погнал, верно, дедушку вашего туда, где пока до наследства и без денег можно было сытому быть. А раз попав туда и вырваться стало трудно... Там князь и женился, и умер, после тяжкой, говорят, и долгой болезни... Восьмилетний сын никогда его не видал здоровым.

– Однако же сын этот должен же быть крещён и где-нибудь записан? – спросил мой муж. – Были же и в тех американских саваннах, или пампах, какие-нибудь метрики и приходские книги.

– Захотели!.. Там и церкви-то никакой ближе тысячи вёрст, тогда, может, не было... А если и было какое свидетельство, так и то погибло в пожаре, как я вам докладывал.

– Очень жаль-с! Очень грустно – для вдовы и дочери князя Петра! – иронически произнёс муж мой, вставая, как человек решившийся прекратить ни к чему не ведущее объяснение. – Во всяком случае прошу вас покорнейше заявить княгине и княжне моё неперменное желание передать им сполна всё наследство прадеда, как только их прямое происхождение от князя Павла будет несомненно доказано.

Жена моя и я готовы и обязуемся исполнить эту волю покойного прадеда, даже в том случае, если бы ей прошёл законный срок, – назначенное им пятидесятилетие. Даже и тогда. И своих наследников мы обяжем к тому же... Но опять-таки не иначе, как по представлении несомненных доказательств уж если не законного брака, то хоть какого бы то ни было, – законного или незаконного, лишь бы действительного рождения вашего мифического князя Петра и его потомства!.. А затем-с, не угодно ли вам будет откусать нашего простывшего постного обеда?.. Я думаю, щи успели превратиться в холодный винегрет. Как ты думаешь, Лена?

Нечего и говорить, что посетителю нашему, после такого заявления, оставалось только поспешно откланяться, извинившись, что продержал нас голодными.

Пожимая мне с горячностью руку, Торбенко объявил, что надеется на меня, и вышел, разумеется, не особенно довольный, из нашего дома.

Нельзя сказать, чтоб и мой супруг блистал кротостью расположения духа в этот памятный нам сочельник. Досталось всем! В особенности лакею и повару, допустившим кушанья простыть или пережариться... Я молча предоставляла гневу его изливаться; да по правде сказать и мало слышала, что вокруг нас делалось. Я вся была поглощена только что слышанным: возможностью существования наших американских родственников, прямых наследников угасшего в России рода князей Рамзаевых.

II

Воспоминание об исчезновении единственного сына прадеда, Павла Петровича, давно обратилось в семейную легенду нашего дома. Бабушка моя, Коловницына, наследовавшая всё состояние Рамзаевых, передавала сыну (моему отцу), что несмотря на деятельные розыски брата отцом её, на все его письма и публикации никогда не было ответа. В ней и сомнения не оставалось в смерти князя Павла и в том, что капитал, «на всякий случай» отложенный прадедом моим, со временем перейдёт к её прямым наследникам, детям её единственного сына.

Отец мой был женат два раза; но дети его от первого брака все умерли в малолетстве. Оставалась одна я, дочь второй жены, рождённая в старости его, когда уж он не думал иметь наследников.

Я знала из наших семейных воспоминаний, что отец мой был очень несчастлив с первою женой; это была болезненная, капризная и недобрая женщина, отравившая последние годы жизни бабушки, а после смерти её, положительно притеснявшая, дожившего до глубокой старости отца её, князя Петра Павловича...

Вообще воспоминание об этой дурной и несчастной женщине легло каким-то кошмаром на всю семью Рамзаевых и Коловницных.

Мать моя, женщина чрезвычайно богобоязненная, никогда не говорила о ней; но старушка-няня, Мавра Емельяновна, почётное лицо в нашем доме, старушка, служившая верой и правдой ещё первой семье отца моего, рассказывала мне часто, тайком от отца с матерью, эпизоды из прошлого, интересовавшие меня, как всякого ребёнка интересуют нянины сказки. От неё узнала я, что её первая «покойница-барыня – не тем будь помянута! – нрава была крутого, своеобразного и непокладливого»; что она много сама повинна была в семейных несчастьях своих, в потере детей... «Никого покойница не любила опричь их, – а их уж без ума, без разуму баловала! – рассказывала Мавра Емельяновна. – Всё позволяла им! Ни в чём не было им запрету, ни завету, – вот и накликала сама на них беду» ...

Отчасти это была правда. Старшая сестра моя, едва дожив до шестнадцати лет, во всём околотке приобрела славу какой-то полоумной, беспардонной сорвиголовы. И умерла-то она по своей вине. Страстная охотница до лошадей и верховой езды, она, в отсутствие отца, выдумала себе забаву: сама заводских лошадей объезжала. Ну и не совладала с горячим конём! Сбросил он её на землю, на всём скаку, и убила, бедняжка, на месте...

Мать чуть не умерла сама от горя, но за ум не взялась – с сыном не стала строже; а напротив, вечно из-за него поднимала ссоры с отцом, крик и брань с няньками, гувернёрами и учителями и положительно в ад превратила семейную жизнь своего мужа. Наконец и сын несдобровал: по двенадцатому году он курил и кутил и до того извёлся, что душа в теле едва держалась. А потом вздумалось ему, позднюю осенью, когда уж пруды салом затягивало, искупаться; простудился, схватил горячку и умер, едва не уморив и родителей своею смертью. Мать не вынесла этого горя, заболела душевною болезнью и года через три скончалась в жестоких страданиях.

Вторично мой отец женился нескоро, лет через десять, и совершенно неожиданно для самого себя. Он так исстрадался в семейной жизни, что не хотел и думать о втором браке.

Случилось ему приехать по делам наследства в этот самый город, где жили мы теперь. Надо сказать, что город и губерния эти искони были гнездом всех князей Рамзаевых; здесь был старый дом бабушки Коловницыной, где отец мой провёл всё своё детство и первое время женитьбы, живя у неё и у своего деда. Возвратясь на родину, он снова поселился в этом доме, но долго не нажил. Его мучили там воспоминания, отравлявшие счастье вторичного его брака, в который он вступил, как я уже сказала, нежданно-негаданно, тотчас по приезде сюда. За десять лет вдовства отец мой привык к переменам, к кочевой жизни; года через три после моего рождения, не довольствуясь постоянными поездками за границу, он вздумал совсем уехать; и несмотря на печаль матери моей и нежелание её экспатриироваться, дом и поместья наши здесь были проданы, а семейное гнездо перенесено в подмосковные вотчины Коловницных. Там я выросла, там умерли мои родители, там я вышла замуж, и вот теперь, по службе мужа, пришлось мне снова водвориться на прадедовском пепелище.

Дом, где я родилась, интересовал меня чрезвычайно, не умею сказать почему, так как воспоминаний о нём я никаких не могла сохранить; разве по той особой привлекательности, какую сообщили ему рассказы няни Мавры Емельяновны, да ещё одной старой тётушки, когда-то гостившей здесь в нашей семье и упорно утверждавшей, будто отец мой оттого в нём не ужил, что имел там какие-то «видения» ...

– Твой отец был оригинал и фантазёр! – говорила мне эта допотопная тётушка. – Il était d'humeur fantasque et porté au mysticisme; но не он один, другие видывали в вашем доме странные явления... C'était une maison hantée, il n'y a pas à y redire!

Несмотря на эти предостережения, очень может даже быть, что именно вследствие их, я ещё на дороге мечтала, что найму этот дом и поселюсь в прадедовских покоях. Но это оказалось невозможным. Новые хозяева давно в нём не жили и в течение тридцати лет не ремонтировали его. Он стоял холодный, заплесневелый, наглухо заколоченный и в немом запустении доканчивал свой долгий век... При одном взгляде на него я поняла, что жить в нём невозможно, и втайне подумала, что если могут быть дома «посещаемые», как о нём утверждала тётушка, то именно теперь в нём удобно расхаживать на просторе посетителям-привидениям. Громко я не высказала своей мысли, зная, что муж мой, человек практический и реалист по образу мыслей, не любит таких фантазий...

Однако, дня два тому назад, увидав сторожа у ворот этого дома, я не воздержалась от желания хоть взглянуть на старые комнаты, в особенности на детскую, которую, казалось мне, я ещё помнила...

В самом деле, в ней была оригинальная печь с колонками и выпуклыми изразцами, на которую я взглянула, как на милое воспоминание детства. С неизъяснимым чувством любопытства, печали и неопределённого страха, пошла я по тёмным теперь, запущенным покоям, с покосившимися потолками и скрипучими половицами, со старинною мебелью, сложенною и сдвинутою в бесформенные груды. При виде этих кресел, вычурных столиков и бюро с выпуклыми крышками, со множеством отделений и ящиков, у меня глаза разбежались...

– Не продаётся ли эта мебель? Нельзя ли купить что-нибудь из неё? – спросила я сторожа.

– Ой, нет, сударыня! – отвечал тот. – Это всё заповедные вещи, господами отобранные, которые я должен беречь... Для них больше и печи протапливаю.

– Жаль!.. Я бы купила хоть их. Дом разваливается – не то бы я его наняла! Да и мебель всё равно, даром пропадёт... Скажите, не знаете ли вы: это всё ваших, теперешних господ вещи или ещё между ними старинная, Рамзаевская мебель? От старых владельцев не осталось ли в доме чего?..

– Не могу доложить вам. Может что и найдётся, да я не знаю, потому я при доме не боле годов пяти состою... А вот, ежели угодно вашей милости, извольте у купца Барского в складах мебельных побывать. У него там этакой старины до пропасти!.. И наша барыня, когда напоследок отсюда уезжала, тоже очень много чего ему продала и на комиссию также отдала, для продажи. А отселева никак невозможно!.. По той ещё причине, что я господ ожидаю.

– Как?.. Неужели они хотят жить в этой развалине?

– Нету-с, не жить; а придут сюда молодые господа отобрать: что в деревню отошлют, а что может сами продавать станут, не знаю. А дом никак снести желают, по ветхости, и новый строить будут.

Юрий Александрович спешил домой, к своим занятиям; назвал меня фантазёркой и мечтательницей и не дал даже времени всё осмотреть в моём старом доме...

– Неужели ты не боишься, что от сотрясения половиц под нашими ногами на голову нам свалится балка? Или мы сами сквозь пол провалимся в подвал, наподобие настоящих привидений? – смеялся он. – По-моему это весьма вероятное и единственное «проявление» и «посещение», которое может нас перепугать в этой сгнившей скорлупе... И признаюсь: я страшусь его гораздо более знакомства с тенью одного из наших предков.

Я согласилась, что самым провалиться или на голову принять потолок несколько страшней, чем увидеть привидение; а всё-таки вздохнула о старом доме, выходя из него и долго оглядывалась на его пожелтевшие от лет деревянные стены, сожалея о том, что скоро их снесут, и с ними исчезнет последняя память о старом роде князей Рамзаевых в этих местах.

Всё это я вспомнила теперь, входя, после нашего бурного обеда, к себе в комнату, при взгляде на мой старомодный диван-кушетку. Ведь и он принадлежал «старому дому». По крайней мере купец Барский, у которого я его разыскала по указанию сторожа, клялся мне, что купил его ещё при распродаже Коловницыных вещей, забракованных новыми владельцами нашего дома. Юрий был убеждён, что это невинная выдумка старого торговца, смекнувшего из наших разговоров в чём дело и желавшего повыгоднее сбыть товар, считавшийся никуда не годным старьём. Но я склонна была верить, что Барский не лгал. Мне было приятно думать, что я нашла вещь, принадлежавшую искони моей семье; что на этом диване сживали деды мои и бабушка, и быть может отец мой игрывал, будучи ребёнком...

Чем более я вглядывалась в мою кушетку, тем более она мне нравилась. Её мягкие, спокойные изгибы так и манили прилечь... И я прилегла, попробовала свой диван и очень уютно свернулась в глубине его, на атласистых, нежных подушках. Так уютно и спокойно, что мне уж и встать не захотелось. Я только потянулась, улыбаясь от удовольствия, когда Юрий вошёл ко мне с сигарой и чашкой кофе, которые вероятно успокоили и его расхолодавшиеся нервы.

Он сел возле в кресло, тоже улыбаясь, и сказал по обыкновению с лёгкою иронией в тоне:

– Ага!.. Первый литературно-мечтательный кейф на допотопном самосоне?.. Прекрасно!

«Самосон» было у нас посвящённое слово; термин, прилагавшийся к спокойным диванам, на которых удобно было не только сидеть, но и спать, потому что они «сами сон нагоняли».

– Да, – отвечала я. – Лучше этого самосона у меня никогда не бывало!

– Ну, а где ж другой атрибут необходимый для твоего счастья? – продолжал посмеиваться Юрий. – Где книга в парижской жёлтой обёртке, со свежеизмышленными бреднями Золя или Флобера?..

– Что ты, Бог с тобой! – протестовала я. – Уж назвал бы Доде, моего единственного избранника в нынешней французской литературе!.. Да я сегодня и того читать не стану. Ты забыл, что сочельник...

– Да, да! Твоя правда. Я вот отдохну полчаса, – устал с разборкой книг! – а потом съездим ко всенощной. Хотелось бы лоб перекрестить, хоть под великий праздник; а то после, как втянешься в службу, так уж некогда будет в церкви ездить, пожалуй!.. Ох! – потянулся он и сладко зевнул, – тяжела ты шапка Мономаха!.. Дела много, а лень одолевает!

– Тебе-то уж грешно себя в лени упрекать! Что ж мне про себя сказать?.. Я и встаю позже, и службы у меня нет, а вот тоже к самосонам большое пристрастие имею! – засмеялась я.

И видя, что его дурное расположение духа прошло, решила вернуться к сильно занимавшему меня вопросу.

– Но вряд ли я сегодня засну... Знаешь, это известие выбило меня из колеи!

– Какое известие?.. Да! Моряка-то этого сказка?.. Вот уж вздор!.. Я бы давно забыл, если б не отвратительный, перестоявшийся обед!

– Однако нельзя же предположить, чтоб этот господин всё это выдумал?

– Он ли выдумал, его ли обманули, – я в это дело не вхожу и не намерен разбирать. Надеюсь, что ты меня достаточно знаешь, чтоб не заподозрить в алчности? Нам с тобой совершенно и даже более нежели достаточно того, что мы имеем; а детей у нас, по всей вероятности, уж и не будет... Жадничать мне не для кого. Но зря отдавать капитал, каким-нибудь авантюристам, нет у меня ни малейшей охоты! Лучше на богоугодные заведения пожертвовать.

– Ну, а если в самом деле эти Рамсей – Рамзаевы?.. Как знать! Нет у них документов, – положим; но согласись, что пропажа документов – дело самое обыкновенное!.. Они не могут доказать нам кто они; но и мы не имеем положительных данных опровергать то, что они говорят... Почему же ты так убеждён в их лжи?

– Потому что правда, если б была она в их рассказах, стала бы известна десятки лет тому назад. Одно письмо – могло пропасть; но десятки писем – не исчезают. А поверь, мой друг, что князь Пётр, или тем более Павел, действительно существовавший и прекрасно знавший, что семья должна искать его, что отец тоскует по нём, – не раз и не два написал бы в Россию из Америки или Австралии, где бы он там ни очутился. Если он не писал и сыну не завещал, кому и куда писать, то лишь потому, что никакого сына у него не было, и сам он сразу попал в такие страны, откуда несть возврата... Надо быть ребёнком или восторженной мечтательницей, чтоб думать иначе и сочинять романы в нескольких томах на самое обыкновенное дело: смерть человека, погибшего более шестидесяти лет тому назад.

Я не стала противоречить, заметив в муже вновь пробуждавшееся раздражение; но втайне решила, что ещё повидаясь с Торбенко, напишу его клиенткам. Юрий словно понял мои размышления:

– Поверь, что я не оставил бы этого дела, сам написал бы этим женщинам, если б не очевидная нелепость и фальшь... Это выдумка и шантаж, больше ничего... Подумай сама: могли ли люди нуждаться в помощи, быть может в насущном хлебе, весь век – и забыть о своём состоянии, о своих правах?.. Если князь Павел и предполагаемый сын его Пётр были не идиоты, – как могли они не попытаться восстановить свои права? Как объяснить, что в течение пятидесяти лет этот «Пётр» не только не домогался своего титула и наследия, но даже не написал ни разу?.. Ведь при нём и пары? и почтовые учреждения, и телеграфы, – что там ни рассказывай твой капитан, легковёр он или мошенник, его дело! – вошли в употребление и действовали исправно. Что же мешало ему ими воспользоваться?

– А может быть недостаток предприимчивости, равнодушие, лень, апатия... – предположила я. – Мало ли странностей в людях!

– Ну, значит он был форменный идиот.

– Не идиот, положим, а просто человек неразумный и равнодушный к благам мирским. России он не знал – и в титуле, а может и в состоянии, не нуждался... Теперь вдова его и дочь, как Торбенко говорит, бедствуют. Но при нём они жили безбедно, быть может богато... Все эти права покойного князя, его русское происхождение и сама Россия, вероятно, казались им такими далёкими, туманными, мифическими. Право, мой друг, это предположение возможно...

– При полном идиотстве – согласен.

– Ах, какой ты! Заладил – идиотство... А хотя бы и так. Разве жена его и дочь ответственны за поступки князя Петра?.. Должны страдать...

– Князя Петра?.. Ты удивляешь меня, Елена, – сердито оборвал меня муж. – Ты уж признаёшь формально этот миф?.. Право, можно подумать, что этот моряк околдовал тебя!

– Да! Он околдовал меня своим честным лицом, своим правдивым, ясным взглядом, своею убеждённою речью! – ответила я. – А подумай, Юрий, если не мы правы, а он – какой ответ дадим мы за несчастье Елены Рамзаевой и её бедной матери?

– Елены Рамзаевой!.. – развёл руками мой муж. – Ну, матушка моя, час от часу не легче!.. Ты положительно невозможна, своим невероятным легкомыслием, Hélène.

Юрий Александрович встал и отодвинул выпитую чашку кофе. Несмотря на шуточный тон его, я видела, что в настоящую минуту лучше не возражать своему главе и повелителю; а потому лишь улыбалась на его дальнейшие оскорбления.

– Да, да! – посмеивался он. – Ты была бы весьма лёгкою добычей г-д Торбенко, Рамсей и KR, если б эта почтенная фирма имела дело с одной тобою!.. Ну, так если я засплюсь, ты прикажи Маше разбудить меня ровно в шесть часов и поедем, ко всенощной.

– Я сама тебя разбужу, друг мой.

Мужъ вышелъ, а я улеглась половчѣй на своемъ прадѣдовскомъ диванѣ...

Муж вышел, а я улеглась половчее на своём диване, взяла нечитанную ещё в тот день газету и стала читать, без разбору, что попадалось на глаза.

Мне хотелось развлечься посторонними мыслями, но это оказалось трудно. Мысль моя не хотела оторваться от неожиданно открывавшегося семейного романа. Буквы мелькали предо мной, и я читала, но слова не имели никакого смысла. Читая эти слова, я продолжала думать о своём когда-то пропавшем родственнике; о романической судьбе, которая могла его постигнуть, если он не тотчас погиб; о жизни его, полной опасностей, лишений, тоски по родине и семье; о постепенном отчуждении, вследствие бессилия напрасных попыток, привычки и приобретения новых связей..., Впрочем, если верить моряку, он прожил недолго. Но вот странный человек – это сын его! Возможно ли, хотя бы он и не нуждался материально, всю жизнь прожить, не попытавшись не только вернуться в своё настоящее отечество, но даже войти в сношения с родными, о которых он не мог не знать? Как не попробовать известить их, восстановить свою личность и права?.. Или действительно письма его пропадали?.. Это невероятно!..

А эти бедные женщины, мои американские родственницы... Всю жизнь проводят они в неизвестности, в заботах о куске хлеба, быть может в нищете. О, как ждут они теперь этого добродушного моряка, своего адвоката!.. Надежды их возбуждены.

Они утешают друг друга, стараются не унывать, ожидая известий из дальнего, чуждого им края, откуда может придти к ним спасение... Может свалиться благосостояние и спокойствие: здоровье – матери, обеспечение от нужды и горя всей жизни – дочери, счастье им обоим... Может! Но придёт ли?.. Вернее, что не дождутся бедняжки, по неразумию мужа и отца, обречённые на вечный тяжкий труд и страдания...

И не придёт желанное спасение – по нашей вине! По нашему недоверию, педантизму, сухости сердца и недоброжелательству..., Впрочем, нет! Я бы с радостью отдала им должное, поделилась бы даже своим, если бы только знать и доказать мужу, что они не обманщицы... Но им-то наши побуждения безразличны! Какое дело им, из-за корысти и по недобросовестности или только по принципу мы овладели положением и не отдаём им их собственности?

Эти размышления меня возмущали.

Я ставила себя на их место и понимала, что они должны нас презирать и ненавидеть. У меня никогда не было детей, но я сочувствовала страданиям бедной матери, её беспокойству за будущность дочери. Я бы искренно желала утешить её, осчастливить их обоих, даже гораздо более дорогой ценою, чем эти ненужные нам деньги, им принадлежащие по праву... «То есть, вероятно принадлежащие им!» – поправила я самое себя, вспомнив разумные доводы мужа.

Но чем более я думала о них, тем сильнее хотелось мне верить правам их и убедить в них мужа. Что-то говорило мне, что он ошибается, и я всей душой верила, что так или иначе права наших заморских родственниц будут восстановлены.

Я так утомилась, что чувствовала, как меня одолевала дремота и не сопротивлялась ей, хотя всё продолжала думать о них...

«Бедная маленькая Елена! – думалось мне в сладком полузабытьи, – ведь он, кажется, назвал её маленькою?.. Бедная девочка... как она мне приходится? Двоюродною... нет! троюродною сестрой. Неужели она так и проживёт, не получив своего?.. И она тоже промается, как отец её и дед промаялись всю жизнь... Но то были мужчины! Им легче было работать... А она бедная... маленькая, больная девочка» ...

Тут уж не сознательные мысли, а какие-то образы, полусонные видения маленькой девочки, «Елены Рамзаевой», начали представляться мне. Я почувствовала, что совсем засыпаю, свернулась поуютней на мягкой кушетке и отлично заснула.

III

Не знаю, долго ли я проспала, вероятно не более получаса, и проснулась вдруг, – будто кто подтолкнул меня... «Всенощная!» – вспомнилось мне, и я поднялась в ту же секунду.

– Ах! Боже мой, не заспалась ли я?.. Надо скорее разбудить Юрия и ехать...

Против обыкновения, Юрий Александрович не заставил себя долго ждать и мне самой будить его не пришлось. Видно и он был проникнут во сне мыслью о необходимости ехать в церковь. Пока я надевала шубу и шляпку, он вышел в переднюю, и мы очутились вместе на крыльце.

Нас тотчас охватило приятным, бодрящим холодом морозной, зимней ночи. Звёздное небо особенно ярко сияло. Луна не показывалась, но не было темно, потому что всё на земле как-то само собой светилось... Мне очень нравилось такое необыкновенное освещение. Я шла под-руку с мужем и радовалась, что ему пришла благая мысль пройтись пешком, в такой чудесный вечер. Это с ним бывало редко, а я любила ходить и шла так легко, что не отставала ни мало от него, хотя он шёл очень скоро, большими шагами...

– Куда ж это ты, Юрий? – спросила я, заметив, что мы миновали церковь.

– А разве ты не рада пройтись? – отвечал он. – Ночь так хороша!.. Мы обойдём через сад, так будет гораздо лучше.

«Не пропустить бы всенощной!» – хотела я сказать, но не успела...

Не успела от изумления.

Мы входили в тёмный, городской сад. Таинственная тишь стояла под сводами аллей. Могучие ветви деревьев сплетались над нашими головами, еле вздрагивая от ночного ветерка и перешёптываясь листвой, сквозь которую кое-где проглядывали, ласково мигая нам, звёзды...

Я бывала днём в этом саду, но никогда не замечала, как чудно он хорош... Правда, тогда была зима... А теперь какие чудные, развесистые деревья! Какою свежестью, каким таинственным спокойствием весь он переполнен!

Мы шли молча, долго шли... Казалось этим аллеям, с лучистыми просветами, конца не будет, а я не чувствовала усталости. Во мне словно разлилась удвоенная сила. Эта живительная ночь и воздух действовали на меня возбуждительно.

– Знаешь ли ты, куда я веду тебя? – вдруг спросил меня муж.

– Не знаю, но здесь чудо как хорошо!.. Какой большой сад!.. Какая густая, чудная зелень!

– Сад хорош, но не в нём дело. Сейчас мы выйдем из него, и ты увидишь свой бывший дом... Тогда ты не имела времени хорошо осмотреть его; так полюбуйся им теперь. Погляди, как он ярко сияет.

В самом деле, я увидела, что мы подошли к ограде сада, а за нею, прямо против ворот, за площадью, светился всеми окнами наш бывший, старый дом.

Что это значит?..

«Ах, да!.. Это, наверное, приехали хозяева! – вспомнились мне слова сторожа. – Но зачем такое яркое освещение, и все окна открыты, так что всё внутри дома светится как в фонаре?»

– Разве им не холодно? – спросила я мужа. – Ведь, кажется, теперь зима?

– Какая зима, Бог с тобою! Разве не видишь ты, как всё здесь цветёт и сияет?..

И он влёк меня через пустую, тёмную площадь, всё скорее и скорее, туда, – к моему дому.

Тут я сообразила, какой я говорю вздор. Что такое: лето, зима?.. Там, где мы находились, нет и быть не может никаких времён года.

Вот уж мы у самого дома... Он выходил на площадь углом. Всё, что происходило в угловой комнате, было насквозь видимо всем прохожим; но на площади, кроме нас, не было ни души.

Мы подошли к самому окну той комнаты. Я тотчас её узнала: в ней я недавно любовалась старинною мебелью. Но теперь мебель эта была не сложена в груды, а чинно, в порядке расставлена в просторной комнате, по старинному освещённой, не лампами, а тяжеловесными бронзовыми подсвечниками и бра. И всё в этом старом кабинете смотрело как-то официально, богато, – но не по-нашему. В высшей степени заинтересованная, я внимательно рассматривала убранство, гравюры по стенам, тяжёлые кресла и столы с золочёнными арфами, с львиными ножками, – и вдруг чуть не вскрикнула от удивления. Кушетка!.. Моя кушетка! Та самая, которую я накануне купила в мебельном складе Барского. Она или двойник её стоял у стенки, против громадного письменного стола, рядом с дверями.

– Посмотри, – сказала я мужу, – вот пара моей кушетке. И обивка такая же, только новее...

Я не успела договорить. Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина.

Она поразила меня своим странным нарядом, а ещё более сосредоточенным, злым выражением своего красивого лица.

Точно будто она целиком сошла со старинного портрета, со своим высоко поднятым шиньоном, короткою, перетянутою под грудью талией и лёгким голубым шарфом... Позвольте!.. Ну, да, точно. Я видела такой портрет... Я знаю эту молодую, сердитую даму. Но... что ж это она делает?

Она быстро подошла к письменному столу; украдкой оглянулась, словно боясь, что за нею подсматривают; наклонилась к лежавшим на виду бумагам и письмам, и быстрыми, кошачьими движениями перебрав их, схватила одно и, ещё сердитее нахмутив брови, гневным, порывистым движением сорвала с него конверт.

Сама не знаю, как это случилось, но я следила за движением её глаз по строкам, и вместе с нею читала письмо... И по мере того как я читала, и смысл его мне уяснялся, я чувствовала, что сердце моё сжимается, и холодный пот проступает на лбу...

Ведь вот оно!.. Именно оно, нужное мне необходимое письмо!.. Я хотела закричать, отнять письмо, – но не могла ни шелохнуться, ни пошевелить языком. Я точно окаменела и смотрела с тоскливым ожиданием: что будет!

Молодая женщина прочла и гневно подумала, – да, подумала. Я читала и письмо, которое она держала в руках, и мысли, пробежавшие в её голове...

Она подумала:

«Отнять у детей моих состояние?.. Я не позволю!.. Чтоб этот выживший из ума старик оставил нас, своих законных наследников, ни с чем, в пользу этих вновь проявившихся внуков, заморских князей Рамзаевых?.. Не бывать тому!»

И она поднесла было письмо к горевшей свече, но в эту минуту раздалися шаги. Сжечь письма молодая женщина не успела, а только нервно сжала его, скомкала в руке и быстрым движением сунула его в карман.

Но она так спешила, что промахнулась: в карман оно не попало. Я видела, что оно скользнуло на пол и осталось на ковре...

Тогда произошло нечто смутное, в чём я впоследствии никогда не могла отдать себе ясного отчёта.

В комнату вошли новые лица. Старушка, бодрая ещё, высокая и красивая женщина, с умным, открытым лицом и старец, согбенный годами и болезнью, опиравшийся на её руку.

Я всматривалась в них с усиленным сосредоточенным вниманием и вместе со смутным чувством не то страха, не то печали. Это странное чувство заставляло сердце моё неровно биться, сжиматься и тоскливо замирать... Мне казалось, я была уверена, что я знаю людей этих, что они мне милы, близки... Но в то же время я не могла бы их назвать, и мне чувствовалось, что неизмеримая бездна отделяет их от меня – в силу этого я не шевелилась. Я не пыталась ни окликнуть их, ни указать на комок бумаги, лежавший у их ног; хотя прекрасно сознавала, что это и есть тот важный документ, в котором заключался вопрос жизни и смерти для детей и внуков моего исчезнувшего когда-то дяди.

Моё смутное состояние сказывалось всё сильнее.

Я напрягала всю силу своей воли, чтобы смотреть на них, всё видеть и слышать, что они говорят между собою... Неопределённое сознание говорило мне, что я напрасно любопытствую, – что оживлённый разговор странных лиц, действовавших предо мною, не касается интересующего меня предмета, что мне излишне его слышать; но я всё-таки напрягала слух и зрение...

Напрасно!.. С каждой секундой они или я отдалялись, на меня словно нисходили туманные покровы. Сладкая истома, тихое пение и звон окружали меня. Мне казалось, что я отделяюсь от земли, что я становлюсь легче воздуха, что неодолимая сила уносит меня за собою куда-то в даль, в высь, в пространство, – всё дальше и дальше от старого дома, от этих необыкновенных людей, столь мне близких и вместе от меня далёких.

Последними лицами, виденными мною в угловой комнате нашего дома – были двое детей и молодой человек.

Девочка лет пяти, с красивым, капризным личиком, похожим на лицо молодой женщины, желавшей сжечь письмо, – вбежала и бросилась к ней с просьбой или жалобой, которых я не слыхала; крошечный мальчик, заливавшийся смехом сидя на плече высокого господина, который внёс его, широко распахнув дверь...

Но при взгляде на этого красивого, стройного молодого человека, я громко закричала. Хотя между нами уж расстился туманный покров, я мигом узнала в нём своего отца...

Вскрикнув, я свалилась с ужасной высоты.

– Что ты?.. Господь с тобой, Елена! – услышала я встревоженный голос мужа. – Вот уж пять минут я стою над тобой и напрасно стараюсь разбудить!.. Ты во сне стонешь, кричишь и не можешь проснуться...

Я приподнялась и вопросительно смотрела на мужа.

Так вот в чём дело... Я спала!.. Всё это мне приснилось... Но с какой поразительной ясностью!

Мне и теперь решительно казалось, что я видела не сон, а живых людей. Я ещё чувствовала их близость, полную реальность их существования, как бы их невидимое присутствие возле себя.

Я не могла опомниться от яркости впечатления и только что собралась с мыслями, хотела было прервать восклицания всё ещё дивившегося надо мною мужа, рассказать ему своё видение, как сам Юрий Александрович заговорил последовательнее, с усмешкой очень неопределённою.

– Скажи пожалуйста, уж не сны ли какие-нибудь вещи тебя тревожили на этом допотопном ложе? – спросил он, вынув изо рта сигару и глядя не на меня, а в сторону. – Так мы с тобою и проспали всю ночь-то?.. Досадно!

– Я верно очень долго спала?

– Да, всю ночь уж всюду отошла... Ну, делать нечего!.. А я знаешь ли... Престранная вещь! Я видел во сне твой диван...

Я даже встала от изумления.

– Ты тоже его видел?!

– Как – тоже?.. Разве он и тебе привиделся?

– Отчасти... Но всё равно. Скажи пожалуйста, что же? Как же ты видел мой диван?

– Престранно! Я видел его точно таким же, но новее и не здесь, не у тебя. Он привиделся мне будто бы там, в вашем старом доме, на площади...

Я к месту приросла и едва ли не открыла рта от изумления.

«Там же! В том же доме... Вероятно в той же комнате!» – проносились мысли в моей голове.

Но прерывать мужа я не хотела.

– Да, – продолжал он. – Это престранный сон!.. Представь себе, привиделось будто мы с тобой не то идём, не то летим, через какой-то большой, прекрасный сад и вдруг видим дом...

– Наш старый дом?.. Ярко освещённый! – не выдержав прервала я. – И мы остановились под окнами...

– Ну да!.. почём ты знаешь? – изумился Юрий Александрович.

– Уж знаю!.. Постой, мой милый, не говори: я скажу дальше. Мы с тобою стали под отворенным окном угловой комнаты и увидели там, сначала, одну даму, одетую в старинный костюм, какие носили в начале века. Потом вошли другие лица: старушка и старик, двое детей и...

– Нет, нет! Только старик и девочка... Но, послушай, Елена, как можешь ты знать?.. Это слишком странно!.. Неужели и ты видела тоже?..

– Бога ради! Я скажу тебе всё, но продолжай теперь. Всё, всё рассказывай!.. Это в самом деле слишком важно!.. Говори дальше.

– Ну, вот видишь ли, мне сначала, правда, показалось, что из этой комнаты вышли какие-то люди, но я их не различил; а когда сон мой выяснился, там, у большого письменного стола, сидел в вольтеровском кресле один старик, а против него, вот на этой самой кушетке-самосоне, примостилась маленькая девочка, лет пяти-шести...

– Черноволосая? С хорошеньким, но капризным лицом? – прервала я.

– Пожалуй, да! Как это, однако странно!.. Неужели и тебе такая же пригрезилась?

– Продолжай! Продолжай!.. Я расскажу свой сон после! – вскричала я, в высшей степени заинтересованная и изумлённая.

А сама думала: «Я видела начало семейной сцены, он – продолжение... Это ясно».

– Да моему сну сейчас конец, – равнодушно отозвался Юрий Александрович.

Он напрасно думал обмануть меня притворным равнодушием. По его неровной походке, по нервному подёргиванию плеч, я видела, что он далеко не спокоен. Да ему и не давалось лицемерие: он то и дело сбивался с хладнокровного, иронического тона и, увлекаясь, рассказывал с жаром, гораздо более естественным в данном случае.

– Мой сон недолог, но очень странен, – продолжал он, пожав плечами. – Представь себе, что я смотрел на этого старика, на эту девочку будто на своих, на близких мне людей. Смотрел внимательно, с каким-то странным чувством захватывающего интереса, будто ожидал и знал, что вот сейчас произойдёт что-то важное, особенное... И вот ещё: никто мне этого не сказал, но я вдруг сам узнал, что этот старик – твой прадед, князь Пётр Павлович Рамзаев...

– Так было и со мною! – вскричала я.

– погоди! погоди! – остановил меня Юрий. – Вот что всего удивительнее: я читал, я знал его мысли...

– Как и я... Что ж он думал?

– Ах!.. Он думал... Что он думал? – вдруг рассердился Юрий и заходил, заметался нетерпеливо по комнате. – Я убеждён, что это не что иное, как результат давишнего свидания – с тем полоумным капитаном-моряком!.. Просто впечатление его рассказней, басни о княгине и княжне Рамзаевых!.. Об американском князе Петре Павловиче... Какая глупость!

Он так рассердился, что даже прервал свою речь, гневно стукнув рукой по столу так, что все безделушки на нём зазвенели.

– Ах, разумеется!.. – поспешила я согласиться. – Кто ж будет верить снам?.. Тем не менее всё это интересно своей оригинальностью, так почему ж не рассказать?.. Кончай, прошу тебя. Что ж было дальше?.. Ты видел мысли старика... О чём же думал он?

– Ну да, я видел, что старик именно думает о них... То есть не о них собственно, а о своём пропавшем сыне, – спокойней заговорил Юрий, пройдясь несколько раз и с улыбкой недоумения вновь остановившись предо мною. – Он думал, что если князь Павел не погиб, то он должен быть очень несчастен; что может случиться у него теперь семья; сын, родной его внук, князь Рамзаев, который нуждается, голодает... И старик сокрушался, а я глядел на него и сам мучился, сожалел его... Ей-Богу!.. Ведь приснится же история!.. Просто смешно!.. Я так понимал его чувства, так разделял его горе, будто сам их испытывал, с ним заодно... Удивительная вещь эти сны!.. Откуда берётся их реальность?.. Ведь вот, слава Богу, проснулся, рассказываю тебе, сознаю же вполне, что это вздорный сон, – а между тем старческое лицо это передо мною, и мне и теперь его жаль... Ведь вот глупость-то!

– Глупость, понятно! – умиротворяющим голосом отозвалась я. – Ну и что ж дальше случилось?

Юрий Александрович отвечал не сразу. Он сначала походил, подумал; потом остановился среди комнаты, развёл руками, и полусердито, полусмешливо произнёс:

– Тс-с!.. Потеха!

– Юрочка!.. Да расскажи же! – взмолилась я. – Что ж ты один потешаешься!.. Говори же, что-дальше-то было?

– Дальше-то самое удивительное и самое нелепое! – вскричал он. – Вообрази себе, что я вдруг будто бы увидел у ног старика, под столом, какую-то скомканную бумажку и вдруг понял, что в ней – всё!.. Понимаешь?.. Всё самое важное и нужное для вразумления и успокоения этого старика, князя Рамзаева. Я не мог отвести глаз от этого смятого комка бумаги... Я ясно видел, что в нём ответ на все его недоумения; что стоит ему наклониться, поднять, прочесть – конец недоразумениям, горю и страданиям его. И ты представить себе не можешь, душа моя, как я хотел ему сказать об этом!.. Я усиливался закричать, указать ему, внушить ему моё знание, – но ничего не мог... И представь себе, Hélène....

Юрий до того увлёкся, что, забыв обычную сдержанность, склонился ко мне, к дивану, на котором я сидела, и крепко ухватив меня за плечо, потрясал одной рукою, размахивая другой, и продолжал:

– Вообрази себе только, как я обрадовался, когда эта маленькая девчонка, эта правнучка его вероятно, вдруг кубарем свалилась вот с этого самого дивана, нагнулась и подняла эту скомканную бумажку, это письмо его внука, князя Петра Рамзаева...

– И отдала ему? – вскричала я.

– Какое! Не отдала совсем, негодная девчонка! А ещё больше скомкала, подбросила как мячик, поиграла и вдруг, упав во весь рост на диван, вытянула руку и сунула его вот так – сюда!

И говоря это муж мой, для нагляднейшего объяснения, с маху засунул руку между глубокой спинкой и сиденьем моей старой кушетки...

Чрезвычайно заинтересованная его рассказом, поражённая совпадением нашего двойного сна, я сгорала желанием рассказать ему начало своего видения и собралась вскочить и закричать: «А послушай теперь, что мне привиделось» ...

Но слова замерли у меня в горле.

Юрий медлил подняться, тяжело налегая на плечо моё, а лицо его приняло такое странное и страшное выражение, что я перепугалась.

– Что с тобою, мой милый?.. Тебе дурно?! – закричала я, с ужасом вглядываясь в него.

Он молчал, да вряд ли и слышал мой вопрос, потрясённый неожиданным впечатлением. Но я немного успокоилась, чувствуя, что он приподымается...

Он приподнялся и стал на ноги, но был очень бледен и смотрел не на меня. Растерянный взгляд его был устремлён на его руку.

Следуя за направлением его глаз, взглянула и я, и взглянув, громко вскрикнула, поражённая: в руке Юрия была измятая бумага, – комок слежавшегося, пожелтелого как пергамент, старого письма!..

Рассказывать ли далее?

Это было одно из писем покойного князя Петра Павловича, моего двоюродного дяди, к своему престарелому деду.

Одно из многих писем, стараниями первой жены отца моего не дошедшее до своего назначения... Бедная женщина, зорко оберегая интересы детей своих, их самих сберечь не умела!

Я убеждена, что так удивительно привидевшаяся мне с мужем девочка и была та самая старшая сестра моя, что умерла в ранней молодости, сорок лет тому назад.

Чудесно найденное нами в прадедовском диване письмо – вполне восстанавливало истину: в нём юноша Пётр Рамзаев извещал деда, что женится на дочери пастора Стивенса. Княгиня Рамзаева была та самая Екатерина Стивенс, а моя новая кузина Елена – меньшая и ныне единственная её дочь...

Нечего и говорить о радости их заступника, капитана Торбенко, которому мы поспешили в тот же вечер сообщить наш двойной сон, удивительную находку и полную готовность возвратить наследство прадеда по принадлежности.

На следующий, светлый, праздничный день Рождества Христова мы телеграфировали госпоже Рамсей. Через три месяца княгиня Рамзаева с дочерью Еленой уже были в России, нашими дорогими гостями; а через год мы искренно сошлись и полюбили друг друга, как и подобает добрым родственникам.

Прадедовский диван у нас в большом уважении и почёте. Так как у меня нет детей, то я завещаю его кузине Елене и надеюсь, что не только она, но дети её и внуки будут беречь и любить старика, который так верно и честно сохранил им права их и достояние.

Оглавление

I
II
III